
ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

© 2018 г.

Б.С. ЭБЗЕЕВ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ОСНОВНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ НОРМИРОВАНИЯ. ЧАСТЬ I

Эбзеев Борис Сафарович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: ebzeev_bs@mail.ru).

Ebzeev Boris S. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, honored worker of science of the Russian Federation (Moscow, Russia) (E-mail: ebzeev_bs@mail.ru).

Аннотация: в данной части статьи рассматривается историческое развитие основных обязанностей. На этом фоне выявляется значение естественного права в становлении обязанностей человека, раскрывается их соотношение с обязанностями гражданина. Особое внимание уделено идейным истокам и развитию основных обязанностей в России.

Abstract: this part of the article discusses the historical development of primary duties. Against this background, the role of natural law in formation of human responsibilities, explained their relation to the duties of the citizen. Special attention is given to the ideological origins and development of the main duties in Russia.

Ключевые слова: личность и общество, конституционный правопорядок, обязанности человека и гражданина.

Key words: individual and society, constitutional law, the duties of man and citizen.

В науке об обществе нет более важной теоретической проблемы, чем адекватное, соответствующее историческим обстоятельствам установление соотношения между индивидуальным и коллективным началами организации социума и диктуемыми этим соотношением формами их взаимодействия. Однако нетрудно заметить характерное для отечественного государствоведения стремление в проблеме взаимоотношений общества и личности сконцентрировать внимание на отдельном индивиде. Причем такое стремление часто сопровождается однобокой акцентировкой на свободе, между тем как ответственность личности за общество и перед обществом во многом остается в тени.

Личность творит свое существование не изолированно от общественной среды, а в конкретных исторических условиях, системе экономических отношений, социальных, политических и юридических институтов, которые детерминируют ее поведение и гарантируют общество и государство от злоупотреблений интересами большинства либо возлагают на личность те или иные тяготы во имя общего блага. В юриспруденции речь идет о том, что обязанности есть объективно необходимое и закономерное свойство всякой государственной организации общества; они имманентны человеку, живущему в сообществе других людей и подчиненному определенному правопорядку, и сами являются неотъемлемым элементом

этого порядка. Без обязанностей и ответственности личности, коррелирующих ее свободе и правам, немислима социальная солидарность как баланс интересов во взаимоотношениях как самих сочленов общества и их объединений, так и в их взаимоотношениях с государством.

Проблема обязанностей может рассматриваться и развиваться в различных ее аспектах, в том числе философском, социальном и политическом, нравственном, психологическом, юридическом и др. Подобно многоплановости самих обязанностей многоплановы и с учетом целей исследования оправданы различные подходы к их изучению. Притом, однако, что вне контекста, связывающего факты современности с фактами прошлого, сама эта современность не может быть правильно понята и оценена.

Даже краткий исторический экскурс в прошлое конституционных идей и конституционной практики свидетельствует, что правам человека посвящена обширная литература. О них не перестают спорить, вкладывая в это понятие различное содержание и по-своему истолковывая конституционные акты как теперь уже давней истории, так и наших дней. Что же касается обязанностей человека и их соотношения с обязанностями гражданина — даже постановка такого вопроса многим представляется нонсенсом, зачастую объявляется

неуместной, поскольку не имеет под собой ни теоретических (в доктрине естественного права), ни практически-юридических (в конституциях и законодательных актах прошлого) оснований.

Так, видный венгерский ученый-юрист эпохи социализма академик И. Сабо, рассматривая возникновение и развитие проблемы обязанностей, писал, что в прошлом, включая период победы демократических революций в Европе, “разговоры об обязанностях наряду с правами не имели ни значения, ни отклика”. Более того, по его мнению, “в литературе по естественному праву никогда не затрагивался вопрос об обязанностях человека; такого понятия просто не знали”¹.

Спустя много лет, государствоведение продолжает со скепсисом относиться к данной проблеме. Как отмечает Х. Хофман, возможно, вступая в определенное противоречие с германской правовой традицией, основные обязанности не коренятся в надгосударственной природе человека, но вытекают из обязанности граждан быть преданными государству². При этом автор данного утверждения иллюстрирует свою позицию ссылкой на воинскую обязанность и заменяющую ее гражданскую службу и на исполнение обязанностей почетных должностей на коммунальной службе, которые действительно не затрагивают каких-либо естественно-правовых принципов.

Словом, “человек” без остатка растворяется в “гражданине”. Именно в таком ключе высказывается А.П. Панов, полагающий, что «гипотеза о существовании “естественных обязанностей” человека не находит своего подтверждения, ибо такие обязанности не отвечают критериям врожденности (наличия у индивида от рождения) и объективности (существования вне воли и сознания людей, вне признания или непризнания их индивидом, обществом, государством)»³.

Тем самым три поколения юристов, различных по своим идейным установкам и выросших в различных правовых порядках, с завидным упорством повторяют давнее заблуждение критиков естественного права в части, касающейся обязанностей человека и гражданина, не замечая

при этом, что естественное право столь же исторически обусловлено и подвержено эволюции сообразно потребностям общественного развития и способу их удовлетворения, как и всякая новая идея о государстве и праве. Тем более что такие идеи достаточно редки, а их зародыши можно отыскать в учениях о государстве и праве, сложившихся в древности.

Другой вопрос: насколько подобное разграничение, имевшее существенное значение в прошлом, сохраняет свою актуальность в реалиях современной демократии, верховенства права и прав человека? Как представляется, речь идет не “просто” об освоении категориального аппарата Конституции России, знающей категорию обязанностей человека, и выявлении соотношения различных категорий как структурных компонентов статуса личности и механизма ее взаимодействия с обществом, что важно само по себе. Такое разграничение имеет значение для выявления самой природы основных обязанностей, установления “объективного” и “субъективного” в закрепляемых Основным Законом обязанностях, а также их пределов и особенностей регулирования законодателем способов реализации.

Немаловажно и то, что нормирование обязанностей осуществляется не только Конституцией, но и парламентом, обладающим значительно большей дискрецией и значительно более подверженным политическим влияниям; как раз в этой связи осмысление источников основных обязанностей в предлагаемом контексте актуально с точки зрения определения пределов усмотрения парламента и правительства и формирования гарантий личности и общества от злоупотреблений законодательными или исполнительными полномочиями.

* * *

Истоки обязанностей человека, как и корни самой естественно-правовой доктрины, можно отыскивать на самых ранних этапах социальной организации человечества; обязанности были и есть атрибутивное качество всякого индивида, получившее обоснование уже в социально-политической мысли древности и актах далекого прошлого. Ученик Сократа (ок. 470–399 до н.э.) Платон (428/427–348/347 до н.э.), гениальный Аристотель (384–322 до н.э.), в свою очередь, бывший учеником Платона, 23 века назад учили, что человек может реализоваться лишь как член общества, которое они мыслили как современный им полис. Отсюда — представления не только о правах личности, притом что ими вполне оправдывалось рабство как порожденное самой природой, но и ее обязанностях по отношению к полису.

¹ Сабо И. Идеологическая борьба и права человека. М., 1981. С. 128.

² См.: Государственное право Германии / сокращ. пер. немецкого 7-томного изд.; отв. ред. Б.Н. Топорнин. Т. 2. М., 1994. С. 207.

³ Панов А.П. Естественные обязанности человека: миф или реальность? // Известия Саратовск. ун-та. Новая серия. Сер. "Экономика, управление, право". Т. 12. 2012. № 1. С. 123, см. также: Его же. Система обязанностей граждан Российской Федерации. Саратов, 2012.

Уже в этот исторический период пришло понимание, что свобода не создается, а признается. Но такое признание означает и согласие с наличием границ признаваемой свободы, выражающихся в запретах, ограничениях или прямых обременениях. Разумеется, эти обременения — еще не обязанности “человека вообще”, это обязанности человека данного сообщества. Как раз об этих обязанностях — нравственных и гражданских, которые связывают граждан с Римом, спустя два столетия писал выдающийся римский оратор, политический деятель и писатель, близкий к идее естественного права, Цицерон (106 до н.э. — 43 н.э.). В своих философских трудах (“О государстве”, “О законах”) Цицерон рисовал картину образцового государства с наилучшим законодательством, осуществленным в римской конституции. Позднее им были написаны “О пределах добра и зла”, “Тускуланские беседы”, “О природе богов”, которые явились изложением на латинском языке греческой философии; особое место в их ряду занимал трактат “Об обязанностях”⁴, датируемый обычно 43 г. до н.э., который, говоря современным языком, есть, пожалуй, первое монографическое исследование указанного феномена, именовавшегося им *officium*.

Автор трактата вслед за своими великими греческими предшественниками имел в виду не человека вообще, а обязанности римлянина, члена римской общины (*civitas*), т.е. коллектива свободных римлян, и гражданина полиса, т.е. города-государства Рима. Отсюда вытекали обязанности по отношению к Отечеству, родителям, детям, семье, родственникам, друзьям. Для Цицерона было очевидно, что обязанности индивида отражают состояние его зависимости от общества и других людей, а в результате их юридического закрепления — и от государства в той форме, в какой оно было характерно для эпохи. Они возлагаются только на свободных либо добровольно принимаются ими, а в их основе лежат божественное предопределение или древность традиций.

Считается, что состояние зависимости в истории человеческой цивилизации выступало в различных формах — рабства, крепостного состояния, состояния обязанных. Рабство означало полное отрицание всяких прав у подвластного лица;

крепостное состояние признавало за крепостным определенные права, но они состояли в полной зависимости от господина; обязанные пользуются личной свободой и несут определенные обязанности по отношению к обществу и государству, но не владельцу или господину.

Каждая из этих форм соответствовала господствующему на известном этапе развития способу производства, потребности которого оказывали решающее влияние на смену названных форм индивидуальной зависимости. Но это влияние не было исчерпывающим. На формы государственно-правовой зависимости индивида влияли и другие факторы, особенно культура, религия, общественная мораль, постепенно уничтожавшие нравственное различие между людьми и тем самым утверждавшие их равное достоинство, а также равенство перед Богом, законом, судом и проч. В силу этого изучение объективной логики исторического развития взаимоотношений личности и общества требует в том числе осмысления генетических зависимостей настоящего от прошлого. Существенно важен в этой связи вопрос о том, какую роль в истории играют идеалы и каким образом они становятся частью социальной практики.

Демократические революции в Европе в XVI—XVIII вв. привели к тому, что человек, выступавший в качестве не отдельной личности, а как неразрывная составная часть соответствующего сословия или класса, обрел человеческую личину; неравенство людей, долгое время признававшееся их естественным состоянием и закреплявшееся в праве, уступило свое место равенству, причем не только в правах, но и в обязанностях, и было признано их естественным состоянием. Общественный прогресс нуждался в формально свободной личности, не отделенной глухой стеной от другой личности; вне этого общество уже вообще не могло развиваться.

Философия права не могла оставаться вне контекста эпохи и присущих ей процессов переосмысления взаимоотношений общества и личности. Именно в эту эпоху европейской политико-правовой мыслью был возрожден цицероновский *officium*. Естественнo-правовая доктрина не только не была равнодушна к обязанностям человека, но, напротив, именно в эту эпоху обязанности человека, “человека вообще” как общественное явление получили новое философское, политическое и юридическое обоснование; они теперь стали объясняться не столько велением свыше или древностью традиций, как это было в прошлом, а своеобразным юридическим рефлексом надпозитивного права на участие индивида в гражданском

⁴ Цицерон. Об обязанностях. СПб., 1903; *Его же*. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна; изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М., 1993 (Литературные памятники); *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона “Об обязанностях” и образ идеального гражданина. М., 1974; *Его же*. Цицерон и его время. 2-е изд. М., 1986.

обществе или государстве, учреждаемом во имя блага народа и защиты порождаемых таким учреждением благ граждан. А это, в свою очередь, накладывает на индивида определенные тяготы, обусловленные сочленством в государстве.

При этом идея обязанностей человека и гражданина не только изучалась представителями школы естественного права (хотя и в значительно меньшем объеме, чем проблема прав человека), но и наряду с правами получила отражение в конституционной практике находящихся в процессе становления демократий в Европе. В частности, Ф. Бэкон (1561–1626), учение которого оказало огромное влияние на последующее развитие науки и философии, в том числе Т. Гоббса (1588–1679), рассматривал обязанности в их связи с общественным благом. Он различал общие обязанности, т.е. обязанности человека как человека, и специальные, или относительные обязанности (профессиональные, сословные, статусные). Т. Гоббс, развивая учение своего предшественника, понимал под обязанностями должностования, детерминированные законом. Стало быть, каковы законы (естественный, гражданский, церковный), таковы и обязанности⁵.

Обязанности человека наряду с обязанностями гражданина нашли отражение в трудах Г. Гроция (1583–1645), признаваемого одним из основателей доктрины естественного права, т.е. “права в собственном смысле слова”, которое “состоит в том, чтобы предоставлять другим то, что им уже принадлежит, и выполнять возложенные на нас по отношению к ним обязанности”. В своем знаменитом труде “О праве войны и мира” (1625) выдающийся голландский ученый писал, что “человеку строить козни против другого человека есть величайшее беззаконие”; он говорил об обязанностях “соблюдения обещаний”, “возмещении ущерба, причиненного по нашей вине”⁶. По его мнению, “гражданин, нарушающий внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства”⁷.

Тем самым Г. Гроций сформулировал принципиальные установки об обязанностях человека и гражданина, которые получили развитие и обоснование в трудах последующих представителей

естественно-правовой доктрины. При этом менялся характер аргументов, виды самих обязанностей человека и гражданина, но общая идея о присущих человеку и гражданину обязанностях оставалась неизменной.

Она не была чужда философии Б. Спинозы (1632–1677) с характерной для нее идеей строгой закономерности, причинной обусловленности всех проявлений природы, частью которой является человек. Один из первых теоретиков буржуазной демократии, Спиноза объяснял необходимость законов противоречием между разумом и страстями людей. “Каждый человек стремится к своей пользе, к выгоде, но большинство руководствуется своим мнением, увлечением, а не разумом, движимо прихотями, не считается с будущим. Поэтому ни одно общество не может существовать без власти и силы, а следовательно, и без законов, умеряющих и сдерживающих страсти и необузданные порывы людей”. Подчинение этим законам, разумным и равным для всех, и есть существо рационалистического видения свободы, которая, таким образом, отнюдь не отрицает ни власти, ни подчинения закону, ни наказания за его нарушение. Однако такое подчинение не означает отказ от свободы, которая сама есть познанная необходимость, и подчинение этой необходимости и есть высшее проявление свободы⁸.

Возможно, самое выдающееся место в исследовании обязанностей на этом этапе развития естественно-правовой мысли занимала германская школа в лице С. Пуфендорфа (1632–1694), находившегося, в свою очередь, под сильным влиянием взглядов Гоббса и Гроция. В 1673 г. в Германии была издана его книга “Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному”. Она явилась менее обширным изложением его же годом ранее изданного сочинения “О естественном и общенародном праве”. Германский ученый различал в их системе обязанности к себе, обязанности к другим и обязанности к богу, насколько он познается естественным разумом. В отличие от своего предшественника, Пуфендорф выводил обязанности прямо и исключительно из разума, а не разумной и общественной природы человека с изрядной долей теологии, как это было присуще Гроцию.

Обязанности к себе, по Пуфендорфу, состояли в самосохранении и в развитии своих способностей. Обязанности же к другим делятся на абсолютные (никого не оскорблять, считать всех по

⁵ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 2010. С. 350, 351, 537, 538.

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956. С. 47.

⁷ Там же. С. 46.

⁸ См.: Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова. СПб., 1993. Части 4, 5.

природе равными, делать по возможности добро другим, хранить верность договорам) и гипотетические — говорить правду тем, кто имеет на нее право, уважать чужую собственность, подчиняться семейной и государственной власти, которые сопровождались определенными оговорками⁹.

Не ставил под сомнение наличие пределов естественной свободы один из самых влиятельных мыслителей просвещения и теоретиков либерализма Дж. Локк (1632—1704): прирожденные права человека, в числе которых “жизнь, свобода и владение”, ограничиваются тем, что необходимо для охранения себя и других¹⁰. Тем самым был задан вектор развития обязанностей человека и гражданина — ограничения и запреты, устанавливаемые ради общего блага.

Обязанности человека и гражданина продолжали привлекать внимание представителей школы естественного права и в последующее время. В частности, один из предтеч Великой французской революции Ш. Монтескье (1689—1755), испытывавший на себе сильное влияние политических взглядов Локка, в словах которого отчетливо просматривается акцент на будущую социальную организацию общества, которая неизбежно придет на смену феодализму, писал: “Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности..., свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране..., — я счел бы себя счастливейшим из смертных”¹¹.

Обязанности человека и гражданина получили теоретическое обоснование и в произведениях выдающегося мыслителя предреволюционной Франции Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), особенно в его “Общественном договоре”, который до сих пор продолжает оставаться предметом спора историков, философов, юристов. И если роль Руссо, вы-

ступившего одним из провозвестников Великой французской буржуазной революции, в утверждении прав человека обоснованно подвергается сомнению, то его вклад в теоретическое обоснование обязанностей человека и гражданина несомненен, но не в феодальном, а в буржуазном обществе. В самом деле, раскрывая содержание своего общественного договора, Руссо подчеркивал, что он сводится к одному: “Полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины”¹².

Гражданская свобода, писал Руссо в “Общественном договоре”, сводится к тем правам, которые остаются у индивида за вычетом его гражданских обязанностей. Эти обязанности, однако, могут возлагаться только по закону, последний же согласно общественному договору, приводящему к образованию государства, должен быть равен по отношению ко всем гражданам — вот главный критерий законодательной деятельности.

Это было новое теоретическое решение проблемы отношений личности и общества, заключавшееся в абсолютном подчинении граждан государству, в основе которой добровольное согласие всех граждан, а именно — общественный договор¹³. Поскольку архаичные устои прошлого противоречили частнособственническим интересам, постольку идеологии Нового времени приходилось апеллировать к изменению социальных условий по сравнению с прошлым.

Основоположник классической немецкой философии И. Кант (1724—1804), испытывавший влияние Руссо и философских взглядов других мыслителей эпохи, различал правовые обязанности (*official juris*), т.е. обязанности, для которых необходимо внешнее законодательство, и обязанности добродетели (*official virtutis*), для которых во внешнем законодательстве нет необходимости¹⁴.

Не вызывало сомнения значение обязанностей как организующего и цементирующего начала социума у Гегеля (1770—1831). Различая гражданское

⁹ В книге, опубликованной в России по инициативе Петра I, под влиянием преобразовательской деятельности которого, быть может, особенно сильно звучали идеи долга и служения Отечеству, говорится не об обязанностях, а о “должностях человека и гражданина” (см.: Пугендорф С. О должностях человека и гражданина. СПб., 1726). Однако это разночтение, как следует из контекста данного литературного источника, обусловлено лишь особенностями перевода на русский язык книги “Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному”, осуществленного более двух с половиной столетий назад. См. также: Перевезенцев С.В. Теория естественного права в трудах Самуила Пугендорфа // Историческое образование. 2014. № 2; Малышева Н.И. Политическое наследие Самуила Пугендорфа // Правоведение. 1999. № 1.

¹⁰ См.: Локк Дж. Избр. философские произв.: в 2 т. Т. 2. М., 1960. С. 720 и сл.

¹¹ Монтескье Ш. Избр. произв.: в 2 т. / под общ. ред. М.П. Баскин. М., 1955. С. 160.

¹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161. В работе “Об общественном договоре, или Опыт о форме республики (первый набросок)”, обычно датируемой 1758—1760 гг., Руссо еще более определенно выразил свое понимание соотношения государства и личности: “Подобно тому, как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, так и общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами...” (см.: там же. С. 325, 326).

¹³ См.: Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 8.

¹⁴ См.: Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4 (2). М., 1965. С. 353 и сл.

общество и государство, Гегель определенно разграничивал обязанности человека перед самим собой, собственной семьей, другими людьми и государством и считал их условием сохранения общества как целого: эти обязанности “взаимосвязаны, коррелятивны, иначе целое распалось бы”¹⁵. При этом, по Гегелю, человек обладает “правами постольку, поскольку у него есть обязанности, и обязанностями, поскольку у него есть права”. Однако их соотношение различно в абстрактном праве и в морали: если в первом случае праву одного лица соответствует обязанность другого лица в отношении этого права, то в области морали человек имеет право на собственное знание, воление и благо лишь в единстве с обязанностями.

* * *

В силу объективных социально-экономических, а также политических и духовных условий социальной эволюции понятие обязанностей “человека вообще” сложилось в эпоху демократических революций в Европе, а сами эти обязанности нашли практическое воплощение в формулировавших их победу конституционных актах западных демократий. Будучи опосредованным политико-юридическим отражением соответствующего способа производства, рационализируя организацию общества и гарантируя его стабильность, эти обязанности выступали политико-правовым условием прогрессивного развития общества, поскольку служили консолидации и формированию баланса интересов его членов. В соответствии с этим обязанности личности изначально понимались как ограничение ее произвола, а затем и как положительные услуги, оказываемые их носителем обществу и государству. Теперь это не тяжкое и не имеющее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, это разумные тяготы, возлагаемые на члена гражданского общества и гражданина во имя общего блага.

В частности, в знаменитой французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. вполне определенно проявилось двойное понимание смысла обязанностей индивида, выросшее из логики общественного согласия. Во-первых, обязанности представляют собой ограничение произвола индивида, поскольку они устанавливают “имманентные пределы свободы”. Как было установлено в ст. 4, “свобода состоит в праве делать все, что не приносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека встречает лишь те границы, которые обеспечивают прочим членам общества пользование теми же

самыми правами. Пределы эти могут быть определены только законом”.

Во-вторых, указанная Декларация в целях сохранения общественного согласия предусмотрела возможность запрета действий индивидов, “вредных для общества”: “закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Все, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принужден делать то, что не предписано законом” (ст. 5).

Таким образом, исторически первыми конституционную легитимацию обрели обязанности-ограничения и обязанности-запреты, связанные с обществом. Но еще 4 августа 1789 г. на заседании Учредительного собрания, вотиновавшего 26 августа Декларацию прав человека и гражданина, предлагалось наряду с нею провозгласить Декларацию обязанностей или присоединить этот документ к Декларации прав. Речь шла уже о персональных и предметных обязанностях, связанных с государством и выражавшихся в несении индивидом определенных тягот. Однако это предложение не получило поддержки и было отклонено. Сказались инерция ненависти ко всему государственному и опьянение победой, одержанной под лозунгом обеспечения прав человека и отмены феодальных повинностей.

Как известно, создатели Декларации прав человека и гражданина рассматривали ее, по существу, в качестве каталога обязанностей государства. Права человека были изначально направлены на ограничение феодального государства, но стоило государству из силы, против которой боролось общество, стать силой самого общества или экономически и политически доминирующей ее части, как произошла удивительная метаморфоза. Обязанности человека и гражданина, очерчивавшие пределы свободы и предусматривавшие некоторые тяготы во имя общего блага, замечательно вписались в политико-правовую теорию и конституционную практику первых западных демократий. Спустя шесть лет после падения Бастилии французский Конвент, обсуждавший Конституцию III года (22 августа 1795 г.), принял Декларацию обязанностей человека и гражданина; Декларация прав была продиктована штурмом Бастилии, Декларация обязанностей воплотила накопленный опыт Революции¹⁶.

Многие исследователи традиционно подчеркивают влияние североамериканских биллей на

¹⁵ Гегель. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 61.

¹⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / сост. Н.Н. Блохин; под ред. П.Н. Галанзы. М., 1957. Текст Декларации обязанностей человека и гражданина также см.: Шантавуан А. Принципы 1789 г. Декларация прав и Декларация обязанностей человека и гражданина. СПб., 1907. С. 3, 4.

французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. Что же касается Декларации обязанностей, она не имела аналогов. Это обусловлено социальным и политическим назначением конституционных актов о правах: американские конституции служили утверждением независимости колоний от Англии, естественно, всякая мысль об обязанностях по отношению к метрополии представлялась бы кощунством. Декларация 1789 г. была направлена против феодальных препонов общественному развитию и утверждала Новый порядок, носителем которого выступало государство. В этой связи провозглашение обязанностей человека и гражданина, корреспондирующих правам государства, столь же естественно вытекало из социальной природы этого строя и адекватного ему характера взаимоотношений личности и государства.

Таким образом, рождение обязанностей человека и гражданина совпало с победой демократических революций и вовсе не противоречило естественно-правовой доктрине. Напротив, они выводились из естественного права, из вечных и неизменных установлений, проистекавших из человеческого естества. В ст. II Декларации обязанностей провозглашалось, что “все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, запечатленных природой во всех сердцах: не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить”.

Значение Декларации обязанностей отнюдь не сводится лишь к дополнению Декларации прав человека и гражданина, она есть результат и весьма наглядное свидетельство переоценки всей системы ранее обосновывавшихся общественно-политических ценностей. Третье сословие обрело вождельные права, гражданское общество стало заповедной сферой для публичной власти, а тираническое государство превратилось в носителя и гаранта привнесенного Революцией Нового порядка.

Именно эти реалии и потребности рационализации и упрочения нового социального порядка обусловили существенное изменение акцентов внутри триады “человек — общество — государство”. Французский либерализм существенно эволюционировал, а естественное право примирилось с законом, сопроводив это примирение требованием о соответствии закона праву; дух разрушения уступил место духу созидания, соответственно, из Конституции 1795 г. исчезло право на сопротивление угнетению, ибо в огне Революции исчезли абсолютизм, дворянство, сословное деление.

Декларация III года рассматривала индивида, с одной стороны, как человека, которому присущи некоторые вытекающие из его человеческой природы и его сочленства в обществе обязанности, с другой стороны, как гражданина — сочлена государства, участие в котором возлагает на него определенные гражданские обязанности. Согласно ст. I этого документа “в Декларации прав изложены обязанности законодателей, но дабы общество могло существовать, необходимо, чтобы сочлены общества знали также и выполняли свои обязанности”. Причем Декларация III года определенно различает “обязанности человека” и “обязанности гражданина”. К обязанностям человека было отнесено соблюдение упоминавшихся принципов (“не причиняйте другому того, чего вы не желали бы сами претерпеть от других”; “творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить”) — обязанности, которые составляют неотъемлемое свойство всякого человека еще до вступления его в политическую общность — государство. “Не может быть добрым гражданином тот, кто не оказывается добрым сыном, добрым отцом, добрым другом и добрым супругом” (ст. IV).

Что же касается обязанностей гражданина — это обязанности сочлена государства, связанного с ним соответствующими узами и несущего свою долю ответственности за его упрочение. Особое внимание Декларация уделила законопослушанию. В этой связи в ней особо выделены обязанности защищать отечество, служить ему, подчиняться законам и уважать тех, кто является органом законов, т.е. его создателем и исполнителем (ст. III). В ст. V провозглашалось: “Не может почитаться хорошим человеком тот, кто не исполняет чисто-сердечно и свято установленные законы”. “Кто открыто нарушает законы, тот объявляет себя в войну с обществом” (ст. VI); “кто, не нарушая законов, обходит их хитростью или обманом, тот наносит ущерб интересам всех граждан и является недостойным их любви и уважения” (ст. VII).

Из провозглашения в Декларации 1789 г. и последующих конституционных актах Франции собственности основным правом человека вытекает обязанность “признания всех родов собственности”: на признании всех родов собственности зиждется развитие земледелия, всех производств, всех видов труда и всего общественного строя (ст. VIII). Наконец, завершается Декларация провозглашением “долга каждого гражданина служить Отечеству, отстаивать Свободу, Равенство и Собственность всегда, когда закон призывает его к защите” (ст. IX).

Обязанности человека и гражданина, в отличие от прав, согласно воззрениям составителей Декларации III года носили безусловный характер и должны были обеспечиваться всем авторитетом и мощью государства. В основе этого — принципиальное обновление видения взаимоотношений личности и общества: если в предшествующую Великой французской революции эпоху обязанности, точнее повинности, выступавшие в форме личной зависимости от господина или цеховых ограничений, воспринимались как тяжкое и не имевшее под собой разумных оснований бремя, возлагаемое на человека чуждой и противостоящей ему силой, то последующая социально-политическая мысль существенно модифицировала интерпретацию обязанностей человека и гражданина как вытекающих из нерушимого общественного договора.

Обязанности человека и гражданина были присущи и более поздней конституционной истории Франции. Так, например, в восьми статьях Конституции 1848 г., составивших ее вступление, содержалось указание не только на права, но и на обязанности. Однако для конституционной практики западноевропейских государств прямое закрепление в конституциях обязанностей человека и гражданина в этот период не было характерным. От этого отказались впоследствии и французские конституции, и такой отказ в XIX в. превратился хотя и в противоречивую, но общую тенденцию европейской демократии. Конституционная практика большинства стран Европы отдавала предпочтение косвенной форме закрепления обязанностей граждан — запретам и ограничениям, за исключением разве что позитивно закрепляемых обязанностей законопослушания и уплаты налогов.

XX в., в свою очередь, утвердил в общественном сознании веру в то, что обязанности индивида вытекают из факта социального бытия человека и в единстве с правами составляют универсальный принцип демократической организации общественной жизни. Эта вера оказалась широко воспринята и конституционной практикой современных государств и не только тех, которые обычно называют странами молодой демократии, но и государств, которые имеют давние демократические традиции. Причем традиционно в число основных обязанностей включаются обязанности соблюдать конституцию и законы, платить налоги, защищать родину и выполнять обязанности военной службы, беречь общее достояние и т.п. В некоторых государствах в числе обязанностей указываются участие в выборах органов публичной власти, забота о своем здоровье. Существенной новеллой для ев-

ропейской демократии является конституционное закрепление обязанности трудиться (Италия, Испания). Отдельные конституции предусматривают обязанности родителей заниматься воспитанием детей, а также заботиться о своем здоровье и своевременно прибегать к врачебной помощи, охранять природу и памятники культуры.

Таким образом, непредвзятый взгляд в историю конституционных идей и конституционных учреждений убедительно свидетельствует, что обязанности человека и гражданина прошли в своем развитии длительный исторический путь, и сегодня мало кто расценивает их как нечто, противоречащее демократическим началам организации общества и деятельности государства. Причем несколько столетий, отделяющих нас от времени, когда европейская философия и право предлагали обоснование обязанностей человека и гражданина, привнесли немного нового в это обоснование: коль скоро человек рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах с другими людьми и пользуется благами, проистекающими из его общественного бытия и осуществления закрепленных в конституции прав, он обязан подчиняться правилам, установленным на ее основании и поддерживаемым государством.

Иными словами, обязанности человека и гражданина детерминированы правами, как и ответственность детерминирована свободой. Они находятся во взаимодействии и функционально взаимозависимы. Отсюда следует, что основные обязанности как юридическая форма обязанностей человека независимо от того, закреплены ли они непосредственно в конституции или же определяются усмотрением законодателя, сегодня имманентны всякому правопорядку, включая международный¹⁷.

(Окончание в следующем номере)

¹⁷ См. подробнее: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. Небезынтересно, что в 1997 г. Совет взаимодействия — авторитетная неправительственная организация, объединяющая бывших президентов и премьер-министров ряда стран всех пяти континентов, представила на обсуждение общественности проект Всеобщей декларации обязанностей человека. Декларация, свидетельствовавшая об осознании, как сказано в ее преамбуле, что “признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира и включает также признание их ответственности и обязанностей”. Она не была принята, но тенденция, несмотря на противоречивость политико-юридического развития современного мира, неизменна (см.: Толпегин А. Свобода и ответственность неразделимы // Здравый смысл. 2006. № 3 (40)).